

Когда этим способом текст переписан, текстолог должен еще раз перечистить с рукописью переписанный текст. Следует помнить, что работа вдвоем (один читает, а другой пишет или сверяет переписанный текст) плодит очень много специфических ошибок и не рекомендуется.

Текстолог должен хорошо изучить типы ошибок, встречающихся при переписке. Это помогает не допускать их в собственной работе.

Особенно внимательно следует следить за самим собой; изучить типы собственных ошибок; изучить тип своей памяти (ассоциативный, зрительный, слуховой и т. п.). Работать следует без напряжения, с первых же шагов собственной текстологической работы вырабатывая в себе правильные прочные навыки. Текстолог, применяющий в своей работе правильные приемы работы, с т а в ш и е п р и в ы ч н ы м и, лучше всего гарантирован от ошибок.

Относительно характера ошибок, получающихся при пользовании старым печатным изданием для подготовки нового, мы уже писали выше (с. 442–444) в главе XI «Особенности изучения печатных текстов».

При пользовании для подготовки текста микрофильмами, фотографиями или ротокопиями необходимо по возможности проверить текст по рукописи. Если текст по рукописи не проверен, то публикатор должен особо оговорить, по какому виду фотовоспроизведения текст издается. Корректуры рекомендуется проверять по рукописи или по одному из видов фотовоспроизведения.

И еще один совет: никогда не довольствоваться «полусмыслом» или «полупониманием» текста — это полупонимание текста наиболее опасно с точки зрения возможностей «ошибок осмысления».

Подготовка разночтений для издания текстов

Говоря о предварительном подведении разночтений, мы уже отметили, что без него не может быть произведено сличение текстов. Это один из основных методических приемов текстологии. Необходимы ли, однако, разночтения в издании текстов, и если необходимы, то в каком объеме? Значение разночтений в издании текстов было понято далеко не сразу; представлялось излишним их подбирать вообще. Вот что писал по этому поводу А. Оленин: «Знаменитый Шлецер предлагал издать сводный летописец, в котором он назначал собрать шесть рукописей для показания, какая между ними находится буквальная разность в словах (что встречается почти на каждой строке). Но дело сие, требующее несметно долгого времени и мелочной самой точности, есть-ли не будет сопровождено основательными и подробными критическими примечаниями, истинной пользы к лучшему разумению отечественной нашей Истории нимало не принесет. — Сие частью доказы-

вается (первым и прекрасным, впрочем) опытом Московского исторического общества: в оном сведены только три рукописи, но и малое сие число составляет уже такое пестрое издание, которого чтение весьма неприятно и утомительно, и коего польза главнейше в том только состоит, что в нем видеть можно, как и сколько раз в каком списке переписчики ошибались, например: что в ином списке сказано: "се повести", а в другом просто "повести" без "се"; в ином "временных лет", а в другом "временных", а в третьем "временных лет". Здесь можно спросить, по примеру славного Эйлера: *et qu'est-ce que cela prouve?* — Искренний на то будет ответ, что много времени утрачено, и труд понапрасну употреблен¹.

Случается, что издание текста с разночтениями, а особенно со многими разночтениями, и в настоящее время встречает возражения. Возражающие отмечают, что разночтения в полном объеме «никем не читаются», что они поэтому не нужны, что они усложняют издание и т. п. Все чаще появляются издания памятников древнерусской литературы и литератур древнеславянских, а также летописей, выполненные по одному списку без разночтений. Случается, что исследователями публикуются «новые списки» без приведения даже элементарных данных их сличения с уже опубликованными ранее списками. В результате такого отношения к подведению разночтений чрезвычайно разрастается материал сырых публикаций по случайным спискам. Публикации памятников подменяются публикациями списков. Текстологическое исследование, которое непременно должно предшествовать научному изданию памятника, откладывается до полного опубликования всех списков. Однако ни один серьезный исследователь не будет слепо доверять чужим публикациям, и в необходимых случаях он сам обратится к рукописям, и поэтому публикации «новых списков» без подведения разночтений могут выполнять лишь весьма скромную роль предварительных информационных — не более.

Что же представляет собой настоящая научная публикация памятника? Научная публикация памятника выполняется с разбивкой всех сохранившихся текстов по редакциям. Каждая редакция печатается отдельно. Выбор редакции и основного списка ведется на основании полного изучения всех списков и установления (по возможности) полной картины истории текста. В научной публикации памятника разночтения приводятся: 1) как обоснование выбора текста (это научные доказательства правильности выбора текста), 2) как материал, наглядно демонстрирующий различия в текстах списков, 3) как корректирующий материал (поскольку основной список не может еще дать первоначального текста). Исследователю, пользующемуся текстом, должна быть предоставлена свобода проверки исследователя и свобода выбора нужного чтения. Ведь выбор основного списка всегда более или менее условен, а основной список не всегда дает архетипные чтения.

¹ А. Оленин. Краткое рассуждение о издании Полного собрания русских деесписателей. — Сын отечества, СПб., 1814, ч. 12. С. 5–6.

Просматривая разночтения, будущий исследователь может убедиться, что выбор основного списка сделан публикатором правильно¹; он может определить для себя особенности разночтений: имеют ли они стилистический характер, смысловой или языковой; плод ли они сознательного «творчества» переписчиков или носят бессознательный характер (как, например, описки, изменения орфографии, внесение диалектных форм и т. д.). Наконец, будущий исследователь, пользуясь изданием текста, может проверить фактические данные, сообщаемые основным списком, если они имеют разночтения в других списках (это особенно важно при издании памятников общественной мысли и исторических материалов, где очень часто в списки вносятся фактические поправки — в цифры, имена, различного рода другие сведения и т. д., или где допускаются искажения).

Разночтения являются также экономной формой издания списков. Вместо того чтобы публиковать отдельно все «новые» и «новы́е» списки того или иного произведения, достаточно опубликовать один основной список, а остальные дать в разночтениях. Экономия при этом достигается не только в объеме публикации, но и в затрачиваемом труде пользующегося изданием исследователя памятника, который сразу видит, насколько глубоки различия между списками и каков самый характер этих различий.

Совершенно исключительное значение имеют разночтения в реконструкциях: разночтения в реконструкциях играют ту же роль, что и в издании списков, в дополнение к этому привязывают реконструкции к конкретному материалу списков. Характер реконструкции, обоснование реконструкции, вся внутренняя механика работы реконструктора остается темной для читателя, если в ней не приведены разночтения по конкретным спискам².

При самой точной публикации текста нет смысла приводить все решительно разночтения: графические, пунктуационные, орфографические и т. д. Дело в том, что графика, пунктуация и орфография часто в списках случайны. Пунктуационную систему, связанную с текстом в целом, при разбивке на разночтения, восстановить затем по этим разночтениям бывает весьма затруднительно. Во многих случаях есть поэтому прямой смысл сокращать

¹ М. Н. О. Османов пишет: «Опубликование даже глубоко продуманного текста без обозначения в аппарате разночтений лишает последующих исследователей возможности проверки отбора и не явится определенным этапом в критике текста, так как новым текстологам опять придется начинать всю работу снова и обрабатывать те же списки» (Ближневосточная текстология в Советском Союзе и ее основные принципы. — Вестн. истории мировой культуры, 1961, № 4. С. 122).

² О разночтениях и их значении см. в книге: *Walter W. Greg. The Calculus of Variants.* Oxford, 1927.

по определенным и строго отобраным признакам количество разночтений. Часто это значительно облегчает пользование разночтениями.

Устанавливая правила сокращения разночтений, нужно прежде всего считаться с характером памятника, характером самих разночтений и целями издания. Если памятник очень ценен, то, конечно, следует возможно полнее приводить разночтения. Полнее следует стремиться приводить разночтения, если отдельные списки имеют особый интерес. Орфографические разночтения следует давать, только если памятник ценен с точки зрения своего языка и если издание его предназначается для лингвистов. Есть смысл относительно полно приводить разночтения в тех случаях, когда их немного (вследствие того ли, что списков мало, или вследствие того, что они близки друг к другу). Но если списки дают много чисто случайных описков писцов, лучше отказаться приводить эти описки вообще. Если памятник интересен по преимуществу для историков, нет, например, смысла приводить простые перестановки слов, столь частые в некоторых списках, составлявшихся писцами, имевшими обыкновение прочитывать и запоминать при переписке большие куски текста (см. об этом выше, с. 76–77). Иногда в памятниках, интересных по преимуществу для историков и не имевших особо значительной литературной истории, нет необходимости приводить стилистические разночтения. Описки представляют интерес только при изданиях дипломатических¹.

Выбирая ту или иную систему публикации разночтений, публикатор обязан строго ее обдумать, выработать четко изложенные правила подведения разночтений и дать их во введении к своей публикации. Читателю должно быть абсолютно ясно, по какой системе подводятся разночтения и почему они подводятся именно данным способом. И еще: нельзя устанавливать одну систему для одних списков и другую систему для других. Так, например, если стилистические разночтения интересны только в одном списке, а в других не интересны, то совершенно недопустимо выделять этот один список особыми правилами подведения разночтений, а для других списков установить сокращенную систему подведения разночтений.

Правила подведения разночтений должны быть ясны, просты, легко запоминаться. Читатель не должен все время обращаться к введению и проверять по нему, мог ли попасть в издание тот или иной тип разночтений. Необходимо прямо и твердо заявить: пусть в аппарат издания попадут и не совсем интересные разночтения, но в пределах определенной системы

¹ К опискам нельзя относить ошибочные осмысления непонятого текста. Нельзя к ним относить и текст, непонятный для современного исследователя. Е. Э. Бертельс считал необходимым очень осторожно относиться к исключению описков из разночтений (Е. Э. Бертельс. Вопросы методики подготовки критических изданий классических памятников литератур народов Ближнего и Среднего Востока. — Первая всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957. С. 240–241).

их подачи они должны быть даны абсолютно все. Достигнуть такой строгой выдержанности не просто. Малоопытные публикаторы, установив систему отбора разночтений, затем отступают от нее, приводят разночтения несистематически, пропускают то, что им кажется неинтересным. Особенно часты эти случаи, когда публикатор, решив провести ту или иную систему, руководствуется затем своею памятью. Допустим, публикатор решил не давать орфографические разночтения. Такое решение, само собой разумеется, чаще всего будет приниматься публикатором-нелингвистом. Нелингвисту (да в какой-то мере и лингвисту) часто бывает очень трудно отграничить орфографическое разночтение от языкового. В этом случае нередко бывает так, что публикатор, решив в начале своей работы считать тот или иной тип разночтения языковым и вводить его в публикацию, в дальнейшем под влиянием усталости и бессознательного желания упростить свою работу забывает о своем решении и перестает отмечать этот тип разночтений.

Выше уже отмечалось, что публикатор-исследователь часто допускает в своей работе все те ошибки (типы ошибок), которые допускали и древние переписчики рукописей. Действительно, в какой-то доле своей работы современный ученый публикатор есть переписчик рукописи. Законы же человеческой психологии в своих элементарных формах (а именно элементарные законы действуют в психологии переписчика наиболее последовательно) одинаковы для всех веков. Я бы сказал даже так: древние переписчики в смысле точности своего профессионального внимания к тексту и по своему профессиональному опыту имели много преимуществ перед современными публикаторами. Публикация текста памятника — это в известном смысле то же, что составление его нового списка. Ведь и в самом деле, в ряде случаев мы принимаем опубликованный текст памятника, если утрачен список, с которого делалась публикация, за особый список памятника. Так, за списки «Слова о полку Игореве», поскольку была утрачена его рукопись, мы принимаем первое издание «Слова» 1800 г. и Екатерининскую копию. Лучший список «Повести о Савве Грудцыне» был утрачен, и теперь мы принимаем за список сделанную по утраченной рукописи ее публикацию в «Памятниках» Кушелева-Безбородко. За список сгоревшей в московском пожаре 1812 г. пергаменной Троицкой летописи мы принимаем выписки из нее в примечаниях к «Истории» Карамзина и разночтения из нее к изданию Лаврентьевской летописи Р. Ф. Тимковского¹.

Различие между рукописным списком и печатным в смысле их точности заключается лишь в том, что печатный список многократно выверяется и исправляется публикатором, читающим его в рукописной или машинописной копии, а затем в корректуре. Однако в процессе подготовки текста к пе-

¹ Летопись Нестерова по древнейшему списку мниха Лаврентия. Изд. профессора Р. Тимковского. М., 1824. — См. реконструкцию Троицкой летописи: М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950.

чати и публикации его основной текст практически выверяется гораздо лучше, чем разночтения. Добросовестный публикатор выверяет корректуры основного текста в рукописных хранилищах, но разночтения обычно при этом остаются без дополнительной выверки, да и внести в них исправления бывает очень трудно, поскольку при внесении исправлений в разночтения приходится менять их нумерацию. Есть, правда, очень простой прием, с помощью которого можно установить неточность разночтений в издании, не обращаясь даже к рукописям: если в публикации в разночтениях мы встретим тот же текст, что и в основном тексте, то, значит, разночтениям доверять нельзя. Жаль, конечно, что наши рецензенты научных публикаций редко проверяют их по рукописям, а уж если и проверяют по рукописям, то только основной текст, оставляя без внимания разночтения. Все это вместе ведет к тому, что количество ошибок в разночтениях наших научных публикаций угрожающе растет.

Чтобы добиться выдержанности системы подведения разночтений, необходимо систему эту устанавливать в уже полностью подведенных разночтениях. Первоначально, при непосредственной работе над рукописями, разночтения необходимо подводить относительно полно (отбрасывая, допустим, только разночтения пунктуационные и графические). Далее в листах с разночтениями (писанными чернилами) рекомендуется карандашом вычеркивать те из них, которые будут не нужны по принятой публикатором системе. В этом случае публикатор легко может себя проверить, насколько единообразно он сокращает разночтения. Кроме того, сокращение уже подведенных разночтений делается относительно быстро, и публикатору поэтому легче придерживаться своей системы и проследить, чтобы в однородных случаях было однородное же решение вопроса — оставлять данный тип разночтений или не оставлять. Только тогда, когда публикатор основательно проверит все разночтения и последовательность в их подборке, можно приступить к их нумерации. Лучше нумеровать разночтения не постранично, а сплошь от 1 до 100, и затем начинать новую сотню, обозначая каждую сотню римской цифрой. Дело в том, что при нумерации постраничной приходится затем в корректуре изменять нумерацию разночтений, а если в корректуре потребуется переверстка, то придется изменять ее столько раз, сколько окажется переверсток. Такие изменения нумераций в корректуре очень опасны, особенно в линолите, так как в линолите переливается вся строка, а следовательно, и все разночтения исправляемой строки; переливается и вся исправляемая строка основного текста.

Разночтения могут даваться внизу страницы или в конце памятника. Первый способ, конечно, удобнее в научном издании, но недостаточно красив для издания, рассчитанного на широкого читателя. Вторым способом принят в научно-популярных изданиях (например, в серии «Литературные памятники» Академии наук СССР) и при издании коротких документов (в этом случае разночтения помещаются сразу за текстом документа; так именно напечатаны разночтения в «Актах социально-экономической истории северо-восточной Руси». М., 1952).

Когда разночтение относится к одному слову, знак сноски ставится в конце того слова, к которому относится разночтение. Если же разночтения охватывают несколько слов, то знак сноски ставится у первого и последнего слова, к которым относятся разночтения. Существует, однако, два способа отмечать первое слово, к которому относится разночтение: знак сноски в одном случае ставится как обычно в конце первого слова, а в другом — в начале первого слова, при этом все место, к которому относятся разночтения, как бы берется в «клещи». Этот последний способ нагляднее отмечает место текста, к которому относятся разночтения, и поэтому он предпочтительнее.

Система буквенных обозначений, привлекаемых для разночтений списков, нами уже описывалась выше, когда мы говорили о предварительном подведении разночтений для сличения списков. Буквенные обозначения списков без крайней нужды в процессе работы менять не следует. Они должны быть установлены в самом начале работы раз и навсегда.

В разночтениях условные обозначения ставятся либо перед разночтением, либо после него. Некоторое преимущество имеет последнее местоположение условного обозначения. Во-первых, само разночтение важнее, чем его условное обозначение. Читателю необходимее самые разночтения, чем то, где, в каких списках они встречаются. Поэтому удобнее начинать с самого разночтения. Но дело не только в этом. После разночтения не следует ставить знак препинания (выше я уже говорил, что разночтения знаков препинания приводить нет смысла), однако, оформляя каждую отдельную сноску с разночтением, неудобно (с точки зрения полиграфического оформления) оставлять ее без знака препинания. Если же за разночтением без знака препинания будут следовать условные обозначения списков, то после них вполне можно поставить заключительную точку, и эта точка никак не может быть связана в сознании читателя с текстом разночтения.

Отдельные сноски, поскольку они, как правило, коротки, можно помещать не построчно, а в строку (не одна под другой, а в горизонтальной последовательности — одна за другой), но отбивая их двумя-тремя круглыми¹ вместо одной, для того чтобы сноски более четко отделялись друг от друга.

Последовательность, в которой приводятся разночтения, должна соответствовать степени близости списка к основному: сперва помещается разночтение ближайшего к основному списку, затем менее близкого и т. д. Если разночтения одинаковы — нет смысла их повторять. В этом случае за буквенным обозначением первого списка, в котором встречено данное разночтение, помещается буквенное обозначение следующего списка и т. д. — опять-таки в порядке близости списков к основному.

Конечно, степень близости списка к основному весьма условна: список может быть очень близок к основному в одном отношении и быть весьма да-

¹ Круглой в типографском языке называется шпация (пробел между буквами), по ширине равная кеглю (размеру) шрифта.

лек от него — в другом. Исследователь по собственным различным соображениям устанавливает порядок близости списков к основному, и этот порядок в известной мере, конечно, условен.

Если разночтение не просто заменяет собой текст основного списка, а оказывается в своеобразном положении по отношению к тексту основного списка (например, слово зачеркнуто, вытерлось, оторвано, просто отсутствует и пр.), то это своеобразие должно быть отмечено словесно. При этом словесные обозначения должны быть, во-первых, краткими и, во-вторых, одинаковые случаи должны выражаться словесно одинаково. Кроме того, следует иметь в виду, что весь тот текст, которого нет в рукописи и который введен научным издателем текста, должен отличаться в наборе от текста памятника. Лучше всего весь текст от издателя набирать курсивом. Курсивом, следовательно, в разночтениях будут приводиться условные обозначения списков и слова: «*вм.*» (вместо), «*нет*», «*доб.*» (добавлено), «*ркл.*» (рукопись), «*текст обрывается*», «*далее зачеркнуто*», «*вписано над строкой*» и пр.

Разночтения должны давать представление о каждом списке, привлекаемом для разночтений. В сущности, по разночтениям читатель должен иметь возможность восстановить все привлекаемые списки. Степень точности этих восстановлений должна соответствовать степени точности, с которой подводятся разночтения. Иными словами, если подводятся разночтения с исключением орфографических, то читатель должен иметь возможность восстановить памятник во всем его языковом облике, но без орфографических уточнений. Если подводятся только смысловые разночтения и не подводятся разночтения языковые и стилистические, то читатель должен иметь возможность представить себе каждый список в его смысловом выражении. И т. д. Достигается это абсолютной систематичностью следования твердо и последовательно выработанным правилам.

В науке возникает иногда потребность восстановления списка по его разночтениям в каком-либо издании, и тогда по-настоящему проверяется степень точности издания.

Приведу пример. Своеобразный материал для реконструкции текста сгоревшей в московском пожаре 1812 г. Троицкой летописи дали М. Д. Приселкову разночтения по Троицкой летописи, подведенные к тексту Лаврентьевской в незаконченном издании последней Х. А. Чеботарева и Н. Е. Черепанова¹. По этому изданию оказалось возможным восстановить текст

¹ Сохранилось 10 печатных листов этого труда и корректурный оттиск первого листа. В 1811 г. работа над изданием была прекращена. См. подробнее: М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. С. 11–13.

Троицкой летописи в пределах от начала и до 906 г., выверяя восстанавливаемый по разночтениям текст материалом, добытым из выписок Карамзина из Троицкой летописи в его «Примечаниях» к «Истории государства Российского», и теми отметками, которые делал Г. Миллер, сверяя печатный экземпляр Кенигсбергской летописи (издание 1767 г.) с текстом Троицкой. Однако пример использования вариантов из издания Чеботарева и Черепанова ясно вскрывает некоторые дефекты этого издания, которые в противном случае остались бы незамеченными. В самом деле, точность этого издания может быть сейчас проверена по сохранившимся до наших дней Лаврентьевской и Радзивилловской летописям (разночтения по Радзивилловской летописи также подведены). Эта точность сравнительно очень высокая, как отмечает специально занимавшийся этим вопросом М. Д. Приселков. Однако при восстановлении утраченного текста Троицкой летописи выяснились следующие недостатки подведения по ней разночтений: отсутствие точного обозначения больших пропусков в тексте Троицкой, неясность терминологии и некоторые дефекты в знании языка рукописи.

Приведу полностью замечания М. Д. Приселкова относительно разночтений Троицкой летописи в издании Лаврентьевской летописи Чеботаревым и Черепановым. Замечания эти важны особенно потому, что они вскрывают обычные недостатки подведения разночтений даже в современных изданиях. М. Д. Приселков пишет: «Промахи этого издания (издания Лаврентьевской летописи Чеботарева и Черепанова. — Д. Л.) для нас главным образом заключаются не в том, что издатели, наивно упорствуя, всегда пишут “бысь”, “нѣсь” вместо “бысть” и «нѣсть», “ієсть”, очевидно стараясь точно передать йотированное “єсть” и т. п., а в том, что издатели не только не вдавались в подробности, но и пропускали весьма серьезные вещи. Так, у них остался с о в с е м неоговоренным дефект текста Троицкой летописи от повествования о смешении языков до повествования о путешествии апостола Андрея и не оговорено то обстоятельство, что повествование об Андрее в тексте Троицкой начиналось фразой: “По сем же по колицех временех, по мнозих летех бысть по воплощении Христове и по разпятии и воскресении и на небеса по вознесении”, которой нет ни в Лаврентьевской, ни в Радзивилловской. Второй крупный дефект Троицкой летописи в пределах издания Чеботарева и Черепанова падал на конец описания обычаев радимичей, вятичей и северян и простирался до конца 6367 (859) года. Издатели, указав начало этого дефекта, не дали точного указания на его окончание, ограничившись только фразой: “а потом (в Троицкой после «съсуд») большой пропуск до пришествия варягов к новгородским славянам”. Сверх того, безо всякой нужды, на протяжении этого дефекта Троицкой летописи, они в примечаниях не раз возвращались к этому дефекту, всегда в выражениях, которые могли только путать читателя. Можно указать, наконец, на неясность терминологии издателей. Так, в примечании “ы” стр. 50 читаем: “в Трц. ркп. к слову Р ю р и к ъ прибавлен: с ѣ д ѣ Н о в ѣ г о р о д ѣ”. Это примечание относится к известному рассказу 862 г. о призвании князей. В Лаврентьевской сказано: “И придоша

старѣшии Рюрикъ, а другии Синеусъ на Бѣлѣ озерѣ” и т. д., т. е. опущен глагол и указание на место вокняжения Рюрика. Как это читалось в Троицкой? Что хотели сказать издатели выражением “в Трц. ркп... прибавлено сѣдѣ Новѣгородѣ”? Прибавлено в отношении текста лаврентьевского или в отношении текста самой Троицкой летописи (т. е. добавлено там позднейшею рукою)? Однако все эти промахи, к счастью поправимые, не закрывают возможность по изданию Чеботарева и Черепанова дать полную реставрацию текста Троицкой от начала его и до 906 г.»¹.

В издании текстов нельзя смешивать и объединять различные редакции. Каждая редакция должна издаваться отдельно. Соответственно отдельно, по редакциям, должны подводиться и разночтения². Примером неправильного способа подведения разночтений может служить издание Псковской летописи М. П. Погодина³. В тексте особыми значками отмечены фразы, сходные в двух или трех списках (всего привлечено три списка), в примечаниях же внизу страницы приводится только новый материал сравнительно с основным списком.

Только в одном случае может быть разрешено подведение разночтений по спискам другой редакции: если этот список другой редакции может объяснить непонятное место, восстановить исконное чтение данной редакции. Но при этом текстолог всегда должен отдавать себе отчет: насколько чтение, взятое из списка другой редакции, можно предполагать в издаваемой. Смещения чтений разных редакций недопустимы.

Что касается групп и видов списков, то здесь дело обстоит сложнее. Понятие группы списков или их видов менее определено, чем понятие редакции, поэтому все зависит от обстоятельств. Если решено не различать в издании группы и виды списков и издавать памятник только по его редакциям, то, разумеется, разночтения групп и видов должны приводиться также вместе. Если же решено издавать какой-либо вид отдельно, то разночтения к нему также должны приводиться только по спискам этого вида и лишь в целях исправления испорченного места можно с оговорками и условно (см. выше) пользоваться списками другого вида.

Если редакция какого-либо памятника представлена тремя списками и больше, то, конечно, списки этой редакции будут естественно распадаться на группы или виды, поскольку один список будет более близок к другому, чем к третьему. Степень близости списков друг к другу не может быть равной, а следовательно, списки всегда будут распадаться на группы, но естествен-

¹ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. С. 26–27.

² Правила подведения разночтений исторических источников см. в издании: Правила издания исторических документов. М., 1955. С. 15–18. (Академия наук СССР. Институт истории и Главное архивное управление. Гос. Историко-архивный институт).

³ Псковская летопись, изданная на иждивении Общества истории и древностей российских при Московском университете М. Погодиным. М., 1837.

но, что в издании того или иного памятника такого рода разбивку текста на группы возможно отражать лишь в исключительных случаях: когда списки, не давая новых редакций, все же сильно различаются между собой по тексту и различны по происхождению. Располагать разночтения следует по степени близости списков к основному, но группируя однородные.

При подведении разночтений не обязательно использовать все списки. Так, к разночтениям не привлекается список, если он ничего не прибавляет для истории текста (например, очень поздний список, относящийся ко времени, которое уже не интересует текстолога, и не отражающий более раннего текста). Не привлекаются также простые копии дошедших до нас списков.

Так, например, Ипатьевская летопись известна в двух основных списках — Ипатьевском, хранящемся в Библиотеке Академии наук СССР, и Хлебниковском, хранящемся в Публичной библиотеке в Ленинграде. Ипатьевская летопись и должна издаваться по одному из этих двух списков (предпочтительнее по Хлебниковскому, хотя и более позднему, чем Ипатьевский, но сохраняющему древний тип текста), с вариантами по другому. Привлечение к изучению и к изданию списков Погодинского, Ермолаевского, Краковско-го и других, являющихся простыми копиями с Хлебниковского, совершенно не нужно.

Вот почему, кстати, только как недоразумение могут быть объяснены многократные упреки А. А. Шахматову, содержащиеся в статье С. А. Бугославского «Повесть временных лет», за то, что А. А. Шахматов в своих исследованиях «Повести временных лет» не принял во внимание вариантов всех списков группы Ипатьевской летописи. А. А. Шахматов не принимает в расчет Погодинской летописи, являвшейся простой копией Хлебниковского списка (этого не заметил С. А. Бугославский), а Ипатьевский и Хлебниковский списки в своих общих частях называет «Ипатьевской летописью». Так же точно Радзивилловский список, оканчивающийся на 1206 г., и очень близкий к нему Московско-академический список в пределах до 1206 г. А. А. Шахматов (а вслед за ним и М. Д. Приселков) называют «Радзивилловской летописью» и в исследованиях летописания ссылаются на чтения, общие для этих двух списков, как на чтения Радзивилловской летописи.

Между тем С. А. Бугославский наставительно замечает: «Устанавливая генеалогию и источники летописных сводов, Шахматов часто базируется на анализе вариантов не всей совокупности списков, а только двух или трех, и делает отсюда выводы об общем их источнике...»¹. Только недоразумением

¹ С. Бугославский. «Повесть временных лет» (списки, редакции, первоначальный текст) — В кн.: Старинная русская повесть. М., 1941. С. 10.

являются также следующие дальнейшие рассуждения С. А. Бугославского: «Так, например, Шахматов анализирует ряд чтений, общих для Ипатьевской, Радзивилловской и Новгородской I летописи, — представителей, как мы покажем ниже (и, добавлю от себя, как это было хорошо известно и Шахматову. — *Д. Л.*), трех семейств летописных сводов. Из общности чтений Ипатьевской, Радзивилловской и Новгородской I летописи Шахматов делает заключение о ближайшем общем источнике этих сводов. При проверке же оказывается, что эти чтения свойственны и другим спискам (речь идет здесь о списках, а выше о сводах, т. е. о произведениях, которые могли быть представлены во многих списках. — *Д. Л.*) основных групп, а отступает от них только один Лаврентьевский список. Из родства списков Лаврентьевского (*сок. Л*), Радзивилловского (*Р*), Академического (*А*), с одной стороны, Ипатьевского (*И*), Погодинского (*П*), Хлебниковского (*Х*), с другой, а также списков новгородской группы... ясно видно, что приведенные Шахматовым чтения восходят не к ближайшему общему источнику данных трех списков, а к тексту, к которому восходят списки всех трех указанных групп...»¹. Далее С. А. Бугославский пишет, что А. А. Шахматов делает «заключения о взаимоотношении летописных сводов на основании чтений, выбранных из двух-трех списков без учета вариантов остальных...»² и т. д. Непонимание С. А. Бугославским методики анализа разночтений, применяемой А. А. Шахматовым, очень для него характерно: С. А. Бугославский механически анализирует разночтения всех списков, тогда как А. А. Шахматов отбрасывает вторичные списки и восстанавливает чтения сводов, анализируя в дальнейшем уже эти чтения.

Итак, анализируя списки, исследователь обязан упростить этот анализ, удалив из рассмотрения те материалы, которые не нужны, и объединив те, которые поддаются объединению. То же касается и подведения разночтений. Поэтому требование С. А. Бугославского «привлекать к рассмотрению варианты всех списков» не более чем недоразумение. Привлекать к работе надо все списки, но как только в результате изучения всех списков обнаруживается, что некоторые из них могут быть отброшены, а другие объединены под общим названием и могут привлекаться к рассмотрению как целое, это и должно быть сделано. Только в этом случае ход исследования и доказательства приобретут простоту и ясность и можно будет избавиться от приведения нагромождений мелких фактов и замечаний, которыми страдают обычно работы начинающих текстологов.

Еще один вопрос представляет практически очень большую важность: как быть с разночтениями правленной рукописи — как отмечаются разночтения самой правки?

Правленная рукопись по существу заключает два текста (если же текст правился два раза — то три текста, три раза — четыре текста и т. д.). Поэто-

¹ С. Бугославский. «Повесть временных лет». С. 10.

² Там же. С. 12.

му, подводя варианты, надо его расчленить и каждый текст обозначать особо. Допустим, что список мы условно обозначили буквой *П*, тогда основной текст этого списка удобно обозначить через *Па*, первый правленный текст *Пб*, второй — *Пв* и т. д.

От разночтений следует отличать примечания, которые делаются к основному списку. Допустим, надо отметить, что данная буква читается неясно, что слово зачеркнуто, что в пергамене дефект, что буква подправлена другими чернилами и т. п. или что в тексте исправляется явная описка писца (диттография, гаплогграфия и т. д.). Эти примечания не следует смешивать с разночтениями. Они отличаются от разночтений по самому своему существу. Поэтому эти примечания обычно выделяются в особый «этаж» (обычно — верхний, первый) и отмечаются не цифрами, а строчными курсивными буквами.

Образец набора текста, текстовых примечаний и разночтений

Того же лѣта князь великий позва владыку к собѣ¹⁴ на Москву на честь, и посадника и тысяцкого¹⁶ и вятших¹⁶ бояръ; и владыка Василии ѣздивъ,¹⁷ и чести великой много видиль.¹⁷ Той же осени внесе¹⁸ лед и снѣгъ [в]^а Вѣлво¹⁹, и вышибе²⁰ 15 городень Великаго мосту; то же, богъ вѣсть, или казня нас или милуя.²¹ [Не далъ бог л.204 кровопролитиа]^а промежи братьею:²² наважениемъ || дьяволь- об
ским²³ сташа си сторона и она сторона, dospѣвше²⁴ въ оружьи²⁵ противу себе²⁶ оба полъ Волхова; нь²⁷ богъ ублюде и снисдошася^б в любовь.

^а В квадратных скбках — из АТ.

^б Буква д переделана из буквы м.

¹⁴ себѣ АТ. ¹⁵ тысяцкого А, тысяцкого Т. ¹⁶ нарочитых АТ. ¹⁷⁻¹⁷ бывши на Москвѣ много чести видѣль АТ. ¹⁸ внесе А. ¹⁹ Волховъ АТ. ²⁰ В А буква и написана по подскобленному. ²¹ милуа А. ²² братнею АТ. ²³ дьявольским АТ. ²⁴ dospѣвши АТ. ²⁵ оружии АТ. ²⁶ себѣ А. ²⁷ нь АТ.

Пояснение к образцу набора. Основной текст — Комиссионного списка Новгородской первой летописи; разночтения — по Академическому и Троицкому спискам той же летописи. Для образца использовано издание А. Н. Насонова (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 347) с некоторыми изменениями. Обратит внимание на следующее. Текстовые примечания обозначены буквами и помещаются внизу страницы выше разночтений, обозначенных цифрами. Цифровые обозначения разночтений помещаются в тексте перед знаками препинания. Первая цифра «клещей» в тексте при отсутствии другого значения (она может служить одновременно цифровым обозначением разночтения) прибавляется не к предшествующему (см. ¹⁷), а к

последующему тексту. Весь текст, отсутствующий в рукописях, за исключением цифр сносок, набирается курсивом (примечания редактора, условные обозначения списков и пр.). Дополнения из других списков даны в квадратных скобках. Киноварная буква набрана полужирным шрифтом. Переход с одной стороны листа на другую или с листа на лист обозначается двумя вертикальными черточками (в случае нужды переход со строки на строки обозначается одной вертикальной черточкой) и на полях петитом отмечается номер нового листа или оборота листа («л. 204 об.»).

Расположение текстов редакций в издании и состав текста

Расположение редакций произведения в правильной временной последовательности их создания позволяет правильно понять и их идейный смысл. Читая редакцию вне ее связи с предшествующими, мы только с трудом можем иногда выявить, какую идею хотел в нее вложить ее составитель. Ведь, внося идейные изменения в текст произведения, составитель новой редакции по большей части ограничивается весьма малым. Он изменяет текст, а не пишет его заново. Эти изменения в количественном отношении очень невелики. Однако для уяснения смысла редакции важны именно они. В редакциях текста внесенные в него изменения важнее, чем текст основной, не подвергшийся изменениям. Сравнивая места, подвергшиеся в последующем изменениям, с этими самыми изменениями, мы постигаем смысл новой редакции и узнаем, как понимался древним книжником предшествующий текст. При отсутствии в Древней Руси критики движение текста дает возможность все же понять отношение к произведению если не читателей, то, во всяком случае, его переписчиков.

К этому нужно добавить, что в новых редакциях особую важность имеет не только то, что в них *написано*, но и то, что в них *не написано*, *пропущено*. Ведь для понимания произведения важно не только то, что составитель *хотел сказать*, но и то, что он *не хотел сказать*, что он хотел *скрыть* от читателя. Иногда даже это последнее бывает важнее, чем первое.

Выявить все это можно только путем изучения истории текста. История текста дает, следовательно, нам ключ к правильному пониманию содержания произведения.

Сходную картину открывает и изучение стилистических изменений. Точное представление о стиле редакции дает сравнение ее с предшествующей. Выявляя изменения и исследуя их, мы можем получить довольно точное представление об «идее» стилистической работы составителя. Поэтому последовательность редакций должна быть хронологическая. Если редакции возникли параллельно, их следует помещать одна за другой, выбор последовательности будет здесь зависеть от других соображений: например, от степени научной интересности редакции.